Ишрак. Журнал исламской философии
2024. Т. 2. № 1. С. 23–37
УДК 281

Ishraq. Islamic Philosophy Journal
2024, Vol. 2, No. 1, pp. 23–37
DOI: 10.21146/2949-1126-2024-2-1-23-37

И.Р. Саитбатталов

(*кандидат филологических наук, ведущий специалист, Уфимский университет науки и технологий; Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: saitbattaloff@yahoo.com*)

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ В МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ШАМС АД-ДӢНА ЗĀКӢ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Аннотация. Статья посвящена представлениям о божественной любви, содержащимся в двух ранее не публиковавшихся и не подвергавшихся исследованию стихотворениях башкирского поэта и богослова Шамс ад-Дӣна Зāкӣ (1822–1865) на персидском языке. Путем сопоставления упомянутого текста с произведениями, входившими в круг его чтения, а также ключевыми текстами ордена Накшбандиййа-Муджаддидиййа устанавливается связь представлений суфийского поэта с идеей «сущностной любви», сформулированной индийским мистиком XVII в. Аḥмадом Сирхиндӣ. Эта любовь представляет собой не экстатическое состояние, а путь постоянного самосовершенствования с целью вытеснения из души мистика любых устремлений и желаний, кроме полного принятия божественной воли. В стихотворении Зāкӣ любовь приобретает этическое измерение. Результатом ее проявления становится правдивость мистика — соответствие внешнего и внутреннего в его поведении и мотивации. Словесное выражение этих представлений опирается на обширный корпус классических произведений персидской литературы XI–XIII вв., причем двумя наиболее часто цитируемыми авторами выступают Фарӣд ад-Дӣн ʻАṭṭāр и Джалāл ад-Дӣн Рӯмӣ.

Ключевые слова: божественная любовь, накшбандиййа, персофония, суфийская литература, суфизм в Башкортостане.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01061, https://rscf.ru/project/23-78-01061.

Iskander R. Saitbattalov
(*PhD in Philology, leading specialist, Ufa University of Science and Technology; 32, Zaki Walidi Str., Ufa, 450076, Russian Federation; e-mail: saitbattaloff@yahoo.com*)

Divine Love in Persian Mystical Poetry of Šams al-Dīn Zākī

Abstract. The paper deals with the ideas of divine love contained in two previously unpublished and unexplored poems by the Bashkir poet and scholar Šams al-Dīn Zākī (1822–1865) in Persian. By comparing his text with the works that were part of his reading outlook, as well as the key texts of the Naqshbandiyya-Mujaddidiyya order, a connection is established between the ideas of the Sufi poet and the idea of "essential love" formulated by the Indian mystic of the 17th century Aḥmad Sirhindī. This love is not an ecstatic state, but a path of constant self-improvement with the goal of displacing from the mystic's soul any aspirations and desires other than complete acceptance of the divine will. In Zākī's poem, love takes on an ethical dimension. The result of its manifestation is the truthfulness of the mystic — the correspondence of external and internal in his behavior and motivation. The verbal expression of these ideas is based on a vast corpus of classical works of Persian literature from the 11th to 13th centuries, with Farīd al-Dīn ʻAṭṭār and Jalāl al-Dīn Rūmī being the two most frequently cited authors.

Keywords: Divine Love, Naqshbandiyya, Persianate, Sufi Literature, Sufism in Bashkortostan.

Введение

О жизненном пути суфийского поэта и богослова Шамс ад-Дӣна б. Йӣр-Аҳмада б. Фатҳаллаха б. Султӣна Зӣкӣ[2] (1822–1865) известно сравнительно мало, а источников сведений о нем всего четыре. Это документы статистического учета населения (ревизские сказки) Оренбургской губернии за 1816–1859 гг., содержащие данные о ближайших предках и составе семьи поэта и свидетельствующие о его принадлежности к башкирской общине д. Зяк [Ревизские сказки, Ф-2, оп. 9, д. 597, 951 об.][3], стихотворное восхваление достоинств (ар. *манӣқиб*) поэта в составе сочинения Муҳаммада-ʻАлӣ Чӯқурӣ «Знамена

[2] Псевдоним (ар. *таҳаллуص*) поэта происходит от его родной деревни Зяк (арабографичное написание زاک), в настоящее время относящейся к Куюргазинскому району Республики Башкортостан и носящей название Зяк-Ишметово.

[3] Это обстоятельство дает нам достаточное основание для использования по отношению к Шамс ад-Дӣну Зӣкӣ определения «башкирский».

предводителя» (тюрк. *’А‘лāм-и Хāдӣ*) [Чукури, 1874, 20], очерк с приложением пяти стихотворений в биографическом своде «Памятники» (тюрк. *Āсāр*) Ридāʼ ад-Дӣна б. Фахр ад-Дӣна [Фахр ад-Дин, 2009, 104–105][4] и рукопись, включающая пространное жизнеописание и порядка сорока стихотворений поэта, составленная в 1915 г. имамом Зиннаталлāхом Муḥаммад-Раḥӣмӣ [Мухаммад-Рахими, 1915, 1–138].

Из этих текстов следует, что Шамс ад-Дӣн родился в семье религиозных деятелей, был слепым от рождения или вследствие детской болезни, знал наизусть Коран. Шамс ад-Дӣн получал образование в медресе сс. Ашкадар-Балыклы (ныне Балыклы Фёдоровского района Республики Башкортостан) и Стерлибаш (ныне Стерлибашево, районный центр в той же республике) и г. Казани, после чего преподавал в родной деревне и в с. Стерлибаш. Умер в 1865 г. по пути в паломничество в Таганроге [Фахр ад-Дин, 2009, 104].

Суфийское посвящение в орден Накшбандиййа-Муджаддидиййа будущий поэт получил в с. Джирган (ныне с. Зирган Мелеузовского района Башкортостана) от шейха Ṭӯлӯмḥӯджи б. Мӯсы [Там же, 105]. Цепь духовной преемственности связывала его через три поколения с шейхом Фāйиз-ḫāном Ḳāбулӣ (ум. 1802) и через 8 — с Аḥмадом Сирхиндӣ (ум. 1624). Эта *силсила* продолжалась в Башкортостане по меньшей мере до 1957 г., — года смерти народного целителя и собирателя книг Ш.Б. Бикбаева, преемника Аḥмадаллāха, внука Ṭӯлӯмḥӯджи б. Мӯсы [Дорогами мистиков Башкирии, Р-59, 13–14 об].

Данные о поэтическом творчестве Шамс ад-Дӣна Зāкӣ, как и сами произведения, содержатся только в очерке Фаḫр ад-Дӣна (пять стихотворений на тюркском[5] языке) и рукописи Муḥаммад-Раḥӣмӣ (порядка 40 стихотворений на арабском, персидском и тюркском языках). Тюркоязычные стихотворения из сборника Муḥаммад-Раḥӣмӣ были изданы в кириллической транскрипции в составе книги [Миннегулов, Садретдинов, 1982, 3–85]. Стихи на арабском языке из рукописи Муḥаммад-Раḥӣмӣ были переведены на русский язык и опубликованы И.Р. Насыровым [Расулев, 2008, 137–148]. Персоязычная поэзия Шамс ад-Дӣна Зāкӣ (четыре отрывка в составе биографического очерка и два стихотворения под общим заглавием «[Стихи] о пути божественной любви») специальному исследованию ранее не подвергались. В кириллической транскрипции были опубликованы только фрагменты, включенные в биографический очерк [История башкирской литературы, 1990, 95].

---

[4] В очерке Фаḫр ад-Дӣна дед Шамс ад-Дӣна ошибочно назван ‘Убайдаллāхом. Из-за некритичного воспроизведения этих данных в литературоведческих работах и энциклопедиях приводится фамилия Губайдуллин, которой Шамс ад-Дӣн не носил.

[5] Термин *тюркский* используется как эквивалент оригинального наименования *туркӣ*.

В рамках настоящей статьи впервые публикуются в оригинале и переводе на русский язык «[Стихи] о божественной любви» Шамс ад-Дӣна Зāкӣ, продолжающее их стихотворение-*ḳиṭ‘а* [Мухаммад-Рахими, 1915, 77–80] и проводится исследование того, как поэт трактует любовь — одно из центральных понятий суфизма.

Мистико-философский контекст поэтического творчества Шамс ад-Дӣна Зāкӣ

Биограф поэта и составитель сборника его стихов Муḥаммад-Раḥӣмӣ приводит сведения о составленных им пяти трактатах (ар. *рисāла*, мн.ч. *расā’ил*), посвященных вопросам нравственности, обязательным для мусульманина действиям, толкованию одной седьмой части Корана, личности духовного наставника (перс. *шайх̱-и ṭарӣḳа*), разъяснению духовных заданий суфия (ар. *’аврāд*). Он также отметил присутствие в этих текстах стихотворных включений разного объема и привел некоторые из них непосредственно в своем рассказе [Там же, 44–52]. Вторая часть его рукописи, представляющая собой собрание стихов суфия, включает три части: стихи на арабском языке [Там же, 65–72], стихи на арабском и персидском языках, извлеченные из его персидского трактата (по-видимому, речь идет о трактате о личности духовного наставника) [Там же, 72–80], стихи на тюркском языке, сочиненные при разных обстоятельствах [Там же, 80–138]. Нахождение его арабских и персидских стихов в составе мистического трактата позволяют рассматривать эти тексты не только как художественные произведения, но и как часть цельной системы мистико-философских взглядов башкирского суфия.

Тема любви, которой посвящен самый объемный из персидских текстов поэта (и которой уделено много внимания в арабских [Расулев, 2008, 138–145]), уже рассматривалась применительно к творчеству Зāкӣ — однако на примере его тюркоязычной поэзии и без учета действительного интеллектуального и литературного контекста, в котором создавалась и воспринималась его поэзия, с использованием в качестве ключей для истолкования трудов Дж. Нурбахша и А. Шиммель, а также словаря суфийских терминов на ресурсе ордена Ни‘матуллāхӣ [Юсупова, Юсупов, 2015, 210–211].

Нам представляется, что, хотя словари суфийских терминов, труды современных популяризаторов и общие работы по суфизму способны задать некие рамки, в которых справедливо производить истолкование мистического текста из Урало-Поволжья, более продуктивно при его обсуждении опираться на тексты той традиции, к которой принадлежал автор (в случае Шамс ад-Дӣна Зāкӣ это орден Накшбандийя-Муджаддидийя), и произведения тех поэтов и мистиков, которых он читал или мог читать. Муḥаммад-Раḥӣмӣ сообщает, что

Шамс ад-Дӣн Зāкӣ читал «Книгу советов» (перс. *Панд-нāма*) Фарӣд ад-Дӣна ‘Аṭṭāра (XII в.), *Бустāн* Са‘дӣ (XIV в.) и «Цель познавших» (перс. *Мурāд ал-‘āрифӣн*) Çӯфӣ Аллāхийāра (XVII в.) [Мухаммад-Рахими, 1915, 20]. Его младший современник и первый биограф Муḫаммад-‘Алӣ Чӯḳурӣ (ум. 1889), также обучавшийся в с. Стерлибаш, цитировал в своем историографическом труде Джалāл ад-Дӣна Рӯмӣ (XIII в.) [Чукури, Басарави, 2021, 76, 81]. В рукописи о суфийской науке, составленной сыном Чӯḳурӣ ‘Āрифаллахом из фрагментов сочинений на персидском языке, помимо уже названных авторов, регулярно цитируются ‘Абдаллāх ’Анçāрӣ (XI в.), Санā’ӣ (XII в.) и основатель Накшбандиййа-Муджаддидиййа Аḫмад Сирхиндӣ [Музей Гали Сокроя, Р-1, 1–8 об]. Доступность этих текстов для чтения в Урало-Поволжье XIX в. подтверждается опубликованными каталогами и исследованиями персидских рукописей региона [Арсланова, 2015, 240–370; Салихов, Искандарова, 2021, 46]. Последнее дает основание опираться при интерпретации текста Шамс ад-Дӣна Зāкӣ на произведения названных выше авторов.

[Стихи] о пути божественной любви: текст

فی طریق عشق خدا[6]

گر تو خواهی از همه سابق شوی — پس[7] هوی بگذار تا صادق شوی

حرص[8] دنیا را زِ دِلْ بیرون بر آر — با خدا مشغول شو عاشق شوی

عیب خود بین عیب دیگر را مبین — گر چنین کردی[9] ز کس فائق شوی

توبه کن از هر فساد اعوجاج — مَرْگ نزدیک است چون فاسق شوی

---

[6] Приводимые З. Муḫаммад-Раḫӣмӣ стихи Ш. Зāкӣ представляют собой текст, изначально записанный под диктовку. По-видимому, ряд орфографических особенностей рукописи (слитные написания *бакай* вместо *бакий*, *çāфӣст* вместо *çāфӣ аст*, раздельное написание отрицательной частицы *на*) возник под влиянием устной речи поэта. В рукописи непоследовательно различаются знаки ب и ک, پ и گ, причем последний записывается с тремя точками сверху. При подготовке текста к публикации его орфография приведена к современному стандарту. Присутствующие в рукописи отступления от него выделены в примечаниях.

[7] В рукописи بس.

[8] В рукописи خرص. Неразличение ح и خ — характерный признак письменных памятников Урало-Поволжья.

[9] В рукописи چونین گردی.

تـا بـه کـی[10] ای بنـدهٔ گمـراه زار — خویشـتن سـوی هـوی سـائق شـوی
گرچـه بـدکاری خـدا رزقـت دهـد — و از چنیـن مولـی چـرا آبـق شـوی
ای عمل‌نـاک ده بـا گفتـار خویـش — تـا چـه بـا وی ناصـح ناطـق شـوی
آن امانـت کـه خـدا پیشـت نِهـاد — تـو مـراد را خائـن سـارق شـوی
هـر کجـا باشـی خـدا را یـاد کـن — چنـد گاهـی از خـدا غافـل شـوی
دامـن اهـل صفـا مگـذار تـا — از شـراب معرفـت ذائـق شـوی
صبـر کـن تـا انـدر بلیـات جهـان — تـا کـه انـدر عشـق حـق صـادق شـوی

* * *

صوفی با غیر صفا موصوف نیست — و از تصوف اشتقاقش صوف نیست
کو ز صفوت مشتق است ای با صفا — کار صوفـی نیسـت جـز عـدل وفـا
صوفی آن باشد که در راه وافی است — و از کدورات‌های[11] عالم صافی است[12]
کیست صوفی آنکه از زر بی خبر — پیـش او یکسـان بُـوَد سـیم و حجـر
ای کـه انـدر راه حـق ناراسـتی — و از تکلـف نـاز دنیـا خواسـتی
چون نه موصوف به اوصاف[13] نکو — لاف تقوی کی زَنِی ای زشت خو
ذات خـود را اوّلا نشـناختی[14] — خویشـتن از اهـل معنـی سـاختی

[10] В рукописи بَکَیْ. Возможно, огласовка *фатҳой* предлога *ба* и местоимения *кий* — влияние среднеазиатского произношения, ср. таджикское *то ба кай*.
[11] В рукописи کدوراتهای.
[12] В рукописи صافیست.
[13] В рукописи باوصاف. В рукописи без пробела: باوصاف = به اوصاف.
[14] В рукописи نه شناختی.

[Стихи] о пути божественной любви: перевод

1. Если ты хочешь всех опередить,
Оставь плотские желания, пока не станешь правдивым.

2. Изгони прочь из сердца страсть к [этому] миру,
Займи себя Богом, стань влюбленным.

3. Смотри на свою вину и не смотри на вину другого,
Если станешь таким, то превзойдешь всякого.

4. Приноси покаяние за каждый порок и отклонение,
Смерть близка, а ты остаешься грешником.

5. До каких пор, о потерянный, рыдающий раб,
[Ты будешь] самого себя вести [путем] плотских желаний?

6. Хотя дурны твои деяния, Бог наделяет тебя пропитанием,
И от такого господина почему ты убегаешь?

7. О занятый делом, распространяй [добро]
своими (*х̱вӣш*) речами (*куфтӣр*),
Дабы благодаря им (*бӣ вай*) научать речами (*нӣṭиḳ*).

8. Тот залог, который Бог положил перед тобой,
Ты не сохраняешь и похищаешь.

9. Везде, где бы ни был, поминай Бога,
Сколько еще ты будешь беспечным по отношению к Богу?

10. Не уходи из-под покровительства людей чистоты, пока
Не вкусишь вина познания.

11. Проявляй терпение в несчастиях этого мира,
Чтобы стать правдивым в любви к Истинному.

* * *

12. Суфия не описывает ничего, кроме чистоты,
А слово *таṣаввуф* — не производное от слова «шерсть» (*ṣӯф*).

13. Так как оно происходит от чистоты (*ṣафват*), о обладатель чистоты,
Дело суфия — только справедливость [и] верность.

14. Суфий — это тот, кто идет по пути верности
И чист от помутнений этого мира.

15. Кто такой суфий? Тот, кто о золоте несведущ,
Все одно — что серебро перед ним, что камень.

16. О тот, кто неискренен на пути Истины,
И от трудностей (*такаллуф*) возжелал легкости этого мира,

17. Поскольку тебя нельзя описать (*на мавс̣ӯф*) характеристиками (*авс̣āф*) [чистоты], не называй (*на-гу*) [себя суфием].
Что же ты похваляешься праведностью, о дурной нравом?

18. Не познав сперва самого себя,
Ты сам себя сделал одним из людей смысла.

[Стихи] о пути божественной любви: комментарий

Название стихотворения, присвоенное составителем рукописи, представляет собой синтаксическое целое, объединяющее арабскую предложную (ар. *фī т̣арīк̣*) и персидскую изафетную (перс. *т̣арīк̣-и ʻишк̣-и Х̱удā*) конструкции, перетекающие одна в другую. Адекватным эквивалентом выражения *ʻишк̣-и Х̱удā*, на первый взгляд, представляется сочетание *любовь к Богу*, однако содержание стихотворения и общий контекст использования поэтом этого понятия как обоюдных отношений позволяют отдать предпочтение варианту *божественная любовь*.

Понятие *пути*, выраженное в стихотворении арабским словом *т̣арīк̣* и персидским *рāх*, указывает не только на конкретные способы выражения любви к Богу, перечисляемые Зāкī, но и на суфизм в целом. Таким образом, путь божественной любви для поэта и есть суфизм.

1. *Опередить всех* (*бар хама сāбик̣ шудан*) — формула, которой ʻАт̣т̣āр в «Рассказах о святых» (перс. *Таз̱кират ʼал-ʼавлийāʼ*) характеризует результаты целенаправленных стараний: духовной работы шейха ʼАбӯ Бакра ал-Вāсит̣ī (ум. 1083), усердной учебы шейха ʼАбӯ Исх̣āк̣а Кāзирӯнī (ум. 1025) [ʻАттар, 1958, 222, 234]. *Оставь плотские желания* (*хавā бигузāр*) может быть отсылкой к «Поэме о скрытом смысле» (перс. *Мас̱навī-йи маʻнавī*) Рӯмī: «Ступай, оставь плотские желания, чтобы твой [собственный] запах ушел» [Руми, 2011, 69]. Контекстом этого фрагмента является пространное наставление о необходимости поиска обладателя сердца (перс. *с̣āх̣иб-и дил*), т.е. духовного наставника.

Правдивость (ар. *ṣидḳ*) — не только одна из ключевых составляющих мусульманского этоса, но и отличительная черта первого праведного халифа ’Абӯ Бакра аṣ-Ṣиддӣḳа (ум. 634), к которому восходит цепь духовной преемственности Накшбандиййа [Расулев, 2008, 58]. С первого же стиха своего произведения Шамс ад-Дӣн Зāкӣ придает любви не экстатическое, а этическое измерение. Любовь представляется путем к соответствию внешнего поведения его внутренным мотивациям.

2. Начало второго бейта может содержать отсылку к «Рассказам о святых» ‘Аṭṭāра. В «Поминании» ’Абӯ ал-Ḥасана Ḫараḳāнӣ (ум. 1033) содержится совет: «Молитва и пост — великие [дела], однако изгнание прочь из сердца гордости, зависти и страсти лучше» [‘Аттар, 1958, 175]. Заслуживает внимания и тот факт, что Ḫараḳāнӣ — седьмой в цепи духовной преемственности ордена Накшбандийа [Расулев, 2008, 58], и его совет, приводимый персидским поэтом, мог восприниматься адептами этого ордена как прямое руководство к действию.

Стань влюбленным — в контексте стихотворения в целом представляется важной перекличка со стихом из «Книги приближений» (перс. *Вуṣлат-нāма*), приписываемой ‘Аṭṭāру: «Если ты станешь влюбленным на пути Истины, // Тогда и станешь достойным пути Истины» (*гар ту андар-и рāх-и Хаḳḳ ‘āшиḳ шавӣ // рāх-и Хаḳḳ-рā āн замāн лā’иḳ шавӣ*) [‘Аттар, 1998, 69]. Это касается как рефрена, так и образа пути Истины — центрального элемента второй части стихотворения Зāкӣ.

Поэт указывает, что в сердце (перс. *дил*) мистика не должно и не может быть места для чего бы то ни было, кроме Бога. Эта мысль представляет собой поэтическую передачу идеи Аḥмада Сирхиндӣ о сущностной любви (перс. *‘ишḳ-и з̱āтӣ*), речь о которой пойдет ниже.

3. *Смотри на свою вину и не смотри на вину другого* — полустишие находит параллель в рассказе ‘Абдуллāха ’Анṣāрӣ об ’Абӯ ‘Абдуллāхе Джāвбāдӣ из «Разрядов суфиев» (перс. *Ṭабаḳāт аṣ-ṣӯфийа*): «Не требуй [признания] собственной правоты, смотри на свою вину, а относительно вины других ищи оправдания и знай, каково творениям подвластным, [находящимся] под тяжким принуждением, и подчиненным» [’Ансари, 1962, 226].

4. Стих содержит не просто констатацию близости смерти, но также указание на размышление о собственной смерти (ар. *рāбиṭат ал-мавт*) — один из внутренних принципов Наḳшбандиййа [Расулев, 2008, 48].

5. *До каких пор* — вероятная отсылка к «Книге печали» (перс. *Муṣӣбат-нāма*) ‘Аṭṭāра: «Когда ты прекратишь разбойничать? До каких пор будешь сбивать с пути влюбленных?». Стих такого содержания помещен в притчу о З̱ӯ-н-Нӯне ал-Миṣрӣ (ум. 859) и его ученике, который не достиг духовных успехов за сорок лет стараний [‘Аттар, 2007, 222].

[Путем] плотских желаний (*сӯ-йи хавā*) — сочетание может быть прочитано двояко: как предложное сочетание со значением, близким к русскому

фразеологизму «на ветер», и как изафетное сочетание «дурные плотские желания» в рамках риторического приема *ӣхāм*, стилистического использования омонимов с целью углубления смысла произведения. В первом случае полустишие означает растрачивание себя попусту, во втором — растрачивание жизни на потакание страстям. Выбор в пользу второго варианта диктуется вариативностью значений слова *гумрāх* «сбившийся с пути», «развращенный».

6. Вторая половина бейта может отсылать к фрагменту экзегетического трактата «Раскрытие тайн и пропитание праведных» Рашӣд ад-Дӣна Майбудӣ (ум. 1126), в котором аскет Ибрāхӣм б. ’Āдам рассказывает, что впервые испытал радость победы над животной душой (ар. *нафс*), будучи принятым в Антиохии за беглого раба (ар. *‘абд āбиḳ мин мавлāхи*) [Maybudi, 2016, 442].

8. *Тот залог* — отсылка к Корану (2:283). Поэт уподобляет жизнь имуществу, вверенному человеку на время, а жизнь, не наполненную поклонением Богу, — расхищению этого имущества.

9. *Где бы ты ни был* — указание не столько на перемещения мистика в пространстве, сколько на изменение духовных состояний (ар. *ḥāл*) и переход с одной мистической стоянки (ар. *маḳāм*) на другую.

Поминать Бога — указание на принцип ордена Накшбандиййа «памятование» (перс. *йāд кард*), постоянное сосредоточение на поминании Бога как языком, так и сердцем, органом мистического познания [Бухари, 2008, 62–63].

10. *Не уходи из-под покровительства людей чистоты* — буквально «не отпускай подола людей чистоты», т.е. суфиев, уже достигших высоких степеней познания. Стих содержит указание на необходимость постоянного нахождения под руководством духовного наставника с целью наблюдения и исправления духовных состояний.

11. *В несчастьях этого мира* — отсылка к «Книге советов» ‘Аṭṭāра: «В несчастьях этого мира будь терпеливейшим, в пору достатка будь благодарен Всемогущему» [‘Аттар, 2011, 23].

12. Шамс ад-Дӣн Зāкӣ полемизирует с широко распространенным филологическим объяснением термина «суфизм» (ар. *таṣаввуф*) через этимологическую связь со словом «шерсть» (ар. *ṣӯф*) и настаивает на том, что и формально, и содержательно он связан со словом «чистота» (ар. *ṣафā’*). Тема чистоты связывает этот отрывок с предыдущим стихотворением, конкретизируя его.

13. *Так как оно происходит от чистоты* — словом *ṣафват*, происходящим от того же арабского корня, что и слово *ṣафā’*, обозначают также пророка Муḥаммада, т.е. стих указывает как на этимологию слова *суфизм*, так и на его прямую связь с Пророком.

14. *От помутнений этого мира* — возможна отсылка к этическому труду Наṣӣр ад-Дӣна аṭ-Ṭӯсӣ [Туси, 1968, 71]. Некоторые сочинения восточных

перипатетиков или, по крайней мере, выдержки из них имели хождение в Урало-Поволжье.

16. Этот стих тематически продолжает второй бейт и опирается на тот же стих из «Книги приближений», приписываемой ʻАṭṭāру.

Легкость этого мира — возможная отсылка к Санā'ӣ: «Когда красота этого мира соединится с наготой потустороннего» [Сана'и, 1963, 531].

17. *Поскольку тебя нельзя описать (на мавṣӯф) характеристиками (авṣāф) [чистоты], не называй (на-гу) [себя суфием]* — одно из наиболее сложных для понимания и интепретации мест в стихотворении. Поэт продолжает рассуждать о чистоте как основной характеристике мистика.

18. *Не познав сперва самого себя* — отсылка к «Поэме о скрытом смысле» Рӯмӣ: «Счастлив же тот, кто познал свою сущность, построил себе замок в вечной безопасности» [Руми, 2011, 413].

Бейт, завершающий стихотворение, может быть как продолжением порицания тех, кто притворяется суфиями из тяги к похвале и мирским удовольствиям, так и указывать на возможность успешного прохождения пути Истины и превращения человека из невежды в обладателя сокровенного знания.

Заключение

Два сравнительно коротких стихотворения башкирского суфия Шамс ад-Дӣна Зāкӣ на персидском языке содержат в себе легко обнаружимые отсылки к произведениям целого ряда классиков персидской мистической литературы — ʻАбдуллāха 'Анṣāрӣ, Фарӣд ад-Дӣна ʻАṭṭāра, Санā'ӣ, Джалāл ад-Дӣна Рӯмӣ, а также к экзегетической работе Рашӣд ад-Дӣна Майбудӣ. Это демонстрирует не столько широту эрудиции и уровень начитанности поэта и широкие возможности для изучения персоязычной мистической литературы в России XIX в., сколько глубину его погруженности в интеллектуальный и мистико-эзотерический контекст цитируемых текстов.

Притом что отсылки к классикам присутствуют практически в каждом бейте первого стихотворения, оно не превращается в простую компиляцию изречений ʻАṭṭāра, Рӯмӣ и других авторов на избранную автором тему, а служат разностороннему раскрытию его оригинальной мысли. Эта мысль состоит в том, что божественная любовь представляет собой не экстатическое состояние, а путь, который необходимо пройти, чтобы достигнуть правдивости, понимаемой как свобода от любых желаний, кроме устремления к Богу, и чистоты, понимаемой как свобода от собственной самости (ар. *з̱āт*).

Понимание Шамс ад-Дӣном Зāкӣ божественной любви в этическом ключе, как работы над собственным поведением, внутренним миром, отношением к внешнему миру и людям, может быть основано на концепции «сущностной

любви» (перс. *муḥаббат-и з̱āтӣ*), выражающейся в любви в Богу как таковому, свободной от стремления к раю или страха перед адом, принимающей всякое действие Бога как награду. Ряд описаний такой любви содержится в письмах Аḥмада Сирхиндӣ: «Что исходит от Возлюбленного, то для этих великих (достигших истинной любви к Богу. — *И.С.*) и желанно. Желанно все, что делает Возлюбленный» [Сирхинди, 1977, 100]. Познание собственной сущности, о которой говорит поэт, в этом контексте служит условием истинной любви к Богу: «Завеса между рабом и Господом — это *нафс* раба, не мир… Пока не освободится раб от устремлений *нафса*, не станет Господь его устремлением и не окажется любовь к Пречистому в его сердце» [Там же, 22].

Сопоставление корпуса стихотворений, входивших в состав трактатов башкирского суфия на разные темы, с кругом текстов, действительно или предположительно формировавших круг его чтения, позволяет отчасти реконструировать взгляды, идеи и ценности представителей ордена Накшбандиййа-Муджаддидиййа в России, увидеть то, как классические литературные и богословские тексты использовались для выражения собственных взглядов и мистических переживаний. Точность такой реконструкции будет возрастать по мере введения в научный оборот более широкого круга источников из Урало-Поволжья на разных языках ислама.

Список использованных источников и литературы

Арсланова, 2015 — *Арсланова А.А.* Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Вып. II. Казань: Издательство Казанского университета, 2015. 796 с.

Бухари, 2010 — *Бухари, Абдулгафур*. Введение в суфизм / Пер. с узб. Р. Чепкунов. М.: Имидж-пресс, 2010. 152 с.

Дорогами мистиков Башкирии — Дорогами мистиков Башкирии: материалы экспедиции, поддержанной всероссийским проектом «Открываем Россию заново» в рамках программы «Больше, чем путешествие» / Наставники И.А. Лебедева (Царегородцева), И.Р. Саитбатталов. Рукопись 59. 74 л.

История башкирской литературы, 1990 — История башкирской литературы. Т. 2. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 582 с.

Миннегулов, Садретдинов, 1982 — *Миннегулов Х.Ю., Садретдинов Ш.А.* Памятники татарской литературы XIX века. Казань: Татарское книжное издательство, 1982. 143 с.

Музей Гали Сокроя — Музей Гали Сокроя. Рукопись 1. 270 л.

Мухаммад-Рахими, 1915 — *Муḥаммад-Раḥӣмӣ З.* Стихи Шамс ад-Дӣна Зāкӣ. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 46. 1915. 177 л.

Расулев, 2008 — *Расулев З.Х.* Божественные истины: перевод с арабского / Сост., коммент., пер. И.Р. Насырова. Уфа: Китап, 2008. 240 с.

Ревизские сказки — Ревизские сказки Оренбургской губернии за 1816–1859 гг. // Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 2. Оп. 9. Д. 597. Л. 948–956 об.

Руми, 2011 — *Рӯмӣ, Джалāл ад-Дӣн*. Маснави-йи ма‘нави. Пятый дафтар / Пер. с перс. О.М. Ястребова, под ред. А.А. Хисматулина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 448 с.

Салихов, Искандарова, 2021 — *Салихов А.Г., Искандарова С.А.* Анализ суфийских сочинений на персидском языке из фонда рукописей ИИЯЛ УФИЦ РАН // Проблемы востоковедения. 2021. № 4. С. 43–49.

Юсупова, Юсупов, 2015 — *Юсупова Н.М., Юсупов А.Ф.* Символизация в тюрко-татарской поэзии средневековья и нового времени (на примере суфийских поэтических произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2 (52). С. 209–211.

Чукури, Басарави, 2021 — *Чӯқурӣ М.-‘А., Баçаравӣ ‘А.* Булгарские хроники, или Приближение [‘Али] Гари / Вступит. статья, транскрипция, пер. и коммент. И.Р. Саитбатталова. М.: ООО «Садра», 2021. 200 с.

’Ансари, 1962 — *’Анçāрӣ, ‘Абдуллāх*. Табақāт аç-çӯфиййа. Кабул: Маṭба‘ Давлатӣ, 1962. 738 с.

‘Аттар, 1958 — *‘Аṭṭāр, Фарӣд ад-Дӣн*. Таẕкират ал-’авлийā’. Тегеран: Китāб-фурӯшӣ Марказӣ, 1336 г.х. 600 с.

‘Аттар, 1998 — *‘Аṭṭāр, Фарӣд ад-Дӣн*. Вуçлат-нāма. Тегеран: б.и., 1376 г.х. 88 с.

‘Аттар, 2007 — *‘Аṭṭāр, Фарӣд ад-Дӣн*. Муçӣбат-нāма. Тегеран: Интишāрāт Зувāр, 1385 г.х. 960 с.

‘Аттар, 2011 — *‘Аṭṭāр, Фарӣд ад-Дӣн*. Панд-нāма. Фāрсӣ бā тарджима-йи урдӯ. Лахор: Мактаб Раḫмāнийye, 2011. 114 с.

Сана’и, 1963 — *Санā’ӣ, ’Абӯ ал-Маджд*. Дивāн-и ḫакӣм-и ’Абӯ ал-Маджд Мадждӯд бин Āдам Санā’ӣ Ġазнавӣ. Тегеран: Нашр Ибн Сӣнā, 1341 г.х. 1232 с.

Сирхинди, 1977 — *Сирхиндӣ, Аḥмад*. Мактӯбāт-и имāм-и Раббāнӣ. Т. 1. Карачи: б.и., 1977. 672 с.

Туси, 1968 —*Ṭӯсӣ, Наçӣр ад-Дӣн*. ’Аẖлāқ-и Наçӣрийya. Тегеран: б.и., 1345 г.х. 332 с.

Фахр ад-Дин, 2009 – *Фаẖр ад-Дӣн Р*. ’Āçāр. Т. 2. Казань: Рухият, 2009. 304 с.

Чукури, 1874 — *Чӯқурӣ М.-‘А.* ’А‘лāм-и Хāдӣ. Национальная библиотека Республики Башкортостан. Р-187. 1874. Л. 16–21.

Maybudi, 2016 — *Maybudī, Rašīd al-Dīn*. The Unveiling of the Mysteries and the Provision of the Pious (Kašf al-asrār wa ‘uddat al-’abrār). Amman: Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought, 2016. 800 p.

References

’Anṣārī, ‘Abdullāh. *Ṭabaqāt al-ṣufiyyah* [The Degrees of Sufis]. Kābul: Maṭba‘ Dawlatī, 1962, 738 pp. (In Persian)

‘Aṭṭār, Farīd al-Dīn. *Muṣībat-nāma* [The Book of Disasters]. Tehran: Intišārāt Zuwār, 1385 H., 960 pp. (In Persian)

ʻAṭṭār, Farīd al-Dīn. *Pand-nāma. Fārsī bā tardjima-yi urdū* [The Book of Advice. Persian with Urdu Translation]. Lahor: Maktab Raḥmāniyye, 2011, 114 pp. (In Persian and Urdu)

ʻAṭṭār, Farīd al-Dīn. *Taḏkirat al-'awliyā'* [Biographies of the Saints]. Tehran: Kitābfurūšī Markazī, 1336 H., 600 pp. (In Persian)

ʻAṭṭār, Farīd al-Dīn. *Wuṣlat-nāma* [The Book of Approximation]. Tihrān, 1376 H., 88 pp. (In Persian)

Arslanova, A A. *Opisanie rukopisey na persidskom yazyke Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta. Vyp. II* [The Description of Persian-Language Manuscripts in the Scientific Library of Kazan Federal University]. Kazan: Kazan University, 2015, 796 pp. (In Russian)

Bukhari, ʻAbdulghafur. *Vvedenie v sufizm* [Introduction to Sufism]. Moscow: Imagepress, 2010, 152 pp. (In Russian)

Čūqurī, M.-ʻA. *'Aʻlām-i Hādī* [The Leader's Banners]. National library of Bashkortostan Republic. R-187, 1874, Fols. 16–21. (In Turkic)

Čūqurī, M.-ʻA., Baṣarawī, ʻA. *Bulgarskie khroniki, ili Priblizhenie [ʻAli] Gari* [Bulghar Chronicles or the Approximation of ʻAlī Ǧārī]. Moscow: "Sadra" publ., 2021, 200 pp. (In Russian and Turkic)

Dorogami mistikov Bashkirii [On the Ways of Bashkirian Mysticists: Expedition Materials]. Manuscript 59, 74 fols. (In Arabic and Turkic)

Faẖr al-Dīn, R. *'Āṯār. T. 2* [Monuments. Vol. 2]. Kazan: Rukhiyat, 2009, 304 pp. (In Tatar)

Istoriya bashkirskoy literatury. T. 2 [History of Bashkir Literature. Vol. 2]. Ufa: Bashkir Book Publishing, 1990, 582 pp. (In Bashkir)

Maybudī, Rašīd al-Dīn. *The Unveiling of the Mysteries and the Provision of the Pious (Kašf al-asrār wa ʻuddat al-'abrār)*. Amman: Royal Aal al-Bayt Institute for Islamic Thought, 2016, 800 pp.

Minnegulov, Kh.Yu., Sadretdinov, Sh.A. *Pamyatniki tatarskoy literatury XIX veka* [Monuments of the Tatar Literature of 19th Century]. Kazan: Tatars Book Publishing, 1982, 143 pp. (In Tatar)

Muḥammad-Raḥīmī, Z. *Stikhi Shams ad-Dīna Zākī* [Poems by Shams ad-Dīn Zākī]. Scientific archive of Ufa federal research center of Russian Academy of Sciences. F. 3. Op. 5. Unit. 46. 1915. 177 ff. (In Turkic)

Muzei Gali Sokroya [ʻAlī Čūqurī Museum]. Manuscript 1, 270 fols. (In Persian, Turkic, and Arabic)

Rasulev, Z.Kh. *Bozhestvennye istiny: perevod s arabskogo* [Divine Truths: translation from Arabic]. Ufa: Kitap, 2008, 240 pp. (In Russian)

"Revision Lists of Orenburgskaya Guberniya in 1816-1859". In: National Archive of Bashkortostan Republic. Fond 2, op. 9, d. 597, ff. 948–956r. (In Russian)

Rūmī, Ǧalāl al-Dīn. *Maṯnavī-yi maʻnavī. Pyatyi daftar* [Maṯnavī-yi maʻnavī. Fifth Daftar]. Saint-Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" publ., 2011, 448 pp. (In Russian and Persian)

Salikhov, A.G. Iskandarova, S.A. “Analiz sufiiskikh sochinenii na persidskom yazyke iz fonda rukopisei IIYaL UFITs RAN” [Analyze of Sufi Manuscripts in Persian in the Manuscripts Department in the Institute of History, Language, and Literature of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Sciences]. In: *Problemy vostokovedeniya* [Issues of Oriental Studies], 2021, No. 4, pp. 43–49. (In Russian)

Sanā’ī, ’Abū al-Mağd. *Dīwān-i ḥakīm-i Abū-l-Mağd Mağdūd bin Ādam Sanā’ī Ġaznawī* [Diwan of the Wise Abū-l-Majd Majdūd bin Ādam Sanāyī Ğaznavī]. Tehran: Našr Ibn Sīnā, 1341 H., 1232 pp. (In Persian)

Sirhindī, Aḥmad. *Maktūbāt-i imām-i Rabbānī. Jild 1* [Letters of Imām-i Rabbānī. Vol. 1]. Karachi, 1977, 672 pp. (In Persian)

Ṭusī, Naṣīr al-Dīn. *’Aẖlāq-i naṣīrīyyah* [Naṣīrī Ethics]. Tihrān, 1345 H., 332 pp. (In Persian)

Yusupova, N.M., Yusupov, A.F. “Simvolizatsiya v tyurko-tatarskoi poezii srednevekov’ya i novogo vremeni (na primere sufiiskikh poeticheskikh proizvedenii)” [Symbolizing in Turk-Tatar Poetry of Middle Ages and Early Modern (on the Example of Sufi Texts)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. The Issues of Theory and Practice]. 2015, No. 10–2 (52), pp. 209–211. (In Russian)